ПОКОЛЕНИЕ

Кажется, что они начинали недавно. Сейчас они — только переступают порог зрелости, но сделано удивительно много. Многие отличает их друг от друга, много и объединяет. Содержания жизни этого актерского поколения БДТ так или иначе находят свое отражение в судьбе и творчестве каждого из них. Но, пожалуй, личность Сергея Юрского может послужить началом разговора о поколении нынешних сорокалетних в театре потому, что, как актер, как самостоятельная и запинающаяся творческая индивидуальность он сформировался раньше и определеннее всех.

В двадцать семь лет Юрский сыграл роль Чацкого в неожиданном по трактовке спектакле и с совершенно неожиданными оттенками лиризма, с трагическим постижением характера и острой, яркой выразительностью. После этого сложилось общее мнение, обшая уверенность: Юрский может сыграть все. Может — комедию и трагедию, может — и героя-любозника, и философа, и гротескную сатирическую маску...

В поэзии лиризм понимается шире, чем только интимность тематики: истинные поэты считают, что лиризм состоит в неповторимой личной окраске каждого произведения, в авторском голосе, авторской личности, которые растворены в произведении и пронизывают его.

Когда смотришь спектакль «Мольер», где Юрский выступает в двух качествах — режиссера и исполнителя главной роли, — вспоминается известный афоризм о том, что через сердце истинного поэта проходит мировая трагедия. Способность ощущать движение окружающей жизни всем своим существом сос-

тавляет особенность его в разных ролях. Режиссер, пронзительная боль от человеческой «несовершенности» (в ролях Виктора Франка в «Цене» и короля Генриха IV), торжествующая раскрепощенность интеллекта (в таких разных ролях, как Эзоп в «Лисе и винограде» и профессор Полежаев в «Беспокойной старости»), мудрая и одновременно искрящаяся жизнелюбием доброта (в роли Илико в комедии «Я, бабушка, Илико и Илларион»), наконец, жесткое и изобретательное разоблачение человеческого ничтожества, приспособленчества (в ролях Осипа в «Ревизоре» и Черныяго в «Энергичных людях»), — в этом разнообразно и последовательно проявляется актерская индивидуальность Юрского.

Актеры этого поколения сделали многое. Действительно, они не только сыграли десятки ролей в театре и в кино, не только составили основу труппы вместе с мастерами предыдущего поколения — они сами стали мастерами.

Их мастерство в том, как они окрашивают образ, если в очередь играют одну и ту же роль: как Владимир Рецелтер и Олег Борисов — Петра в «Мещанах» или Сергей Юрский и Михаил Волков — Черныяго в «Энергичных людях».

Их мастерство — в умении сыграть эпизодическую роль, как главную, с максимальной отдачей и максимальным разнообразием выражения человеческой личности. Законченным гротеском становится почтмейстер Шлекин в «Ревизоре», сыгранный М. Волковым — этот огромный, ярко-желтый кузнецик с полуседой головой и наивностью годовалого младенца в вытаращенных глазах.

Единственность и неоспоримость создаваемого образа всегда убеждает в ролях Ми-

хайла Данилова. Так до конца принадлежит своей эпохе и среде его Пойнс в «Короле Генрихе IV». Не только точностью внешнего облика, но и законченной историей человеческой жизни поражает он в роли Бобчинского в «Ревизоре». Он вымалывает милость городничего (разрешение поехать к ревизору) своей преданностью и расторопностью, своим изобретательным холопством, так и написанным на его круглом, разгоряченном лице. И он бежит вслед за прелеткой городничего и Хлестакова — бежит мелкой, изнурительной привычной трусостью. И возникает что-то жуткое в этом бессмысленном беге в пустоте, в пустоту; и возникает щемящая жалость к маленькому, никому не нужному человеку, который только хочет, чтобы государь узил про его, Бобчинского, существование.

Их мастерство — в тонком и многогранном владении искусством перевоплощения. Это относится и к Юрскому, о котором уже говорилось, и к Рецелтеру, и к Олегу Басилашвили, умеющему быть и легковесным до невесомости в Хлестакове, и изысканно-жестоким в короле Людовике («Мольер»), и к Олегу Борисову, который в комедийной роли Китлару в «Общественном мнении» и особенно в роли принца Гарри в «Короле Генрихе IV» предстает мастером отточенного и глубокого по психологической разработке рисунка. В роли принца Гарри актер демонстрирует великолепное умение скользить по грани между дворцовой и трактирной сферами жизни своего героя, не смешиваясь ни с одной, способностью мгновенного перехода от живого, казалось, такого искреннего веселья к напряженному раздумью, когда сосредоточенно-аскетичное лицо его становится особенно

худым, желтым и призрачно-жутким.

...Но, помимо актерской индивидуальности Юрского, черты его человеческой судьбы тоже в чем-то характерны и для других актеров его поколения. Многие из них — это люди, пришедшие в театр с университетским курсом (полным или почти законченным) за плечами. Юрский готовился стать юристом, Данилов — математиком, Рецелтер — журналистом. В театр приходили не восторженные мальчики со школьной скамьи, а взрослые люди, сознательно избравшие искусство делом своей жизни. В том, как приходило это поколение в театр, перепробовав «вкус» других профессий, была не только ответственность зрелого выбора, но и определенный вызов своим сверстникам: ведь модными в те годы были «физики», а не «лирики». Может быть, именно поэтому достижения их стало то, с каким вниманием и пониманием исследовали они многогранный облик современного интеллигента, в частности, — современного ученого. Исследование началось с роли физика Электрона, сыгранной М. Волковым в спектакле «104 страницы про любовь».

Высокоразвитый интеллект и даже талант ученого не может стать панацеей от всех бед, — такой итог, к которому приходил О. Басилашвили и в роли Крестовникова в «Счастливых днях несчастливца» и в роли Лева Грудзева в спектакле «С вечера до полудня». С обворожительной мягкостью, легкостью и грациозностью переступает этот благополучно занимающийся своими научными проблемами Лева через хрупкие человеческие чувства; со вкусом доживая обед, проповедует он оптимизацию семьи среди людей, для которых семейные привязанности составля-

ют существенную и необходимую основу жизни.

В БДТ был поставлен спектакль «Выпьем за Колумбай», где облик современного ученого раскладывался на составные части и синтезировался из разных человеческих личностей. Три вариации ученого рассматривались в нем: первый, совершающий открытие, но уже не заботящийся ни о его моральных последствиях, ни о формах применения в жизни — его играл О. Борисов; умелый организатор, подписывающий в соавторстве чужое открытие и осуществляющий его реальное жизненное применение — его играл О. Басилашвили; и тот, кого можно назвать совестью науки, рыцарем и хранителем ее высокой миссии в современном мире — его играл В. Рецелтер. Острота и некоторая плакатность «растроения» личности, сыгранная с полнотой открытия человеческого характера, создавала в спектакле объемный и сложный в своем единстве облик ученого.

Поколение сорокалетних в БДТ сложилось в явление неоднозначное, и при этом определенное и ясное. Этих людей связывает не только возраст, но и общность взглядов на жизнь. Недаром в телевизионном спектакле «Фиеста» по Хемингуэю режиссер Юрский снял актеров Волкова, Рецелтера, Данилова, а в спектакле «Мольер» отдал одну из сложных ролей Басилашвили. Эти люди нужны друг другу — в этом тоже частица характеристик их поколения.

Дебютировав после двадцати лет, к тридцати они нашли себя, а к сорока стали мастерами с собственным почерком и общими гражданскими устремлениями. Пройденный путь составляет не только прекрасные воспоминания — он зримо продолжается в будущее.

Т. ЗЛОТНИКОВА.